

От Белого до Витебска: записки натуралиста

...Казалось бы, что может быть романтичнее покорения неизвестных пространств! На самом же деле только тщательная организация и твердая дисциплина могут обеспечить успех подобного предприятия. А это значит, что обычно не случается ничего непредвиденного: день за днем тянется размеренная, однообразная тяжелая работа, рассчитанная далеко вперед по часам. Один день отличается от другого чаще всего числом преодоленных препятствий и количеством пройденных километров. В тяжелом походе душа спит, впечатления новых мест скользят мимо, едва задевая чувства, и механически отмечаются памятью. Потом, в более легкие дни или после вечернего отдыха, а еще вернее – после окончания похода, в памяти возникает вереница воспринятых впечатлений. Пережитая близость с природой, обогащая исследователя, заставляет его быстро забыть все невзгоды и снова манит, зовет к себе.

И.А. Ефремов. «Тень минувшего»

Вместо вступления

Выбранный нами эпиграф из рассказа известного советского палеонтолога и писателя Ивана Антоновича Ефремова не случаен. Он не только вмещает в себя емкое определение экспедиции, но и показывает особенности трансформации впечатлений пишущих участников, с которыми чаще всего и приходится сталкиваться читателю. Каждодневная рутина, обеспечивающая успех похода, малоинтересна с литературной точки зрения. Лишь яркие события, как бусинки, украшающие причудливую вязь путешествия, способны удержать внимание, наилучшим образом раскрыть идею похода. Конечно, для каждого его участника яркие события могут различаться. Но тем и интересно разнообразие людей в экспедиции – оно позволяет максимально заполнять событийную канву, насыщая ее интересными моментами. Именно люди делают экспедицию тем, чем она является, а события и окружение играют скорее второстепенную роль. Возможно, для кого-то слова эти покажутся странными, выражающими точку зрения субъективиста. Пусть! Каждое мнение достойно внимания! Стоит лишь заметить, что все мы являемся субъектами, поэтому исходное мнение каждого субъективно. И то, что я буду излагать в этой главе, – мои субъективные впечатления, основанные на объективном материале. От объективности мира отказаться трудно, да и вряд ли разумно. Здравый материализм позволяет двигаться вперед, занимая по отношению к окружающей среде активную позицию. В то же время субъективизм позволяет обратить внимание внутрь творящего, а этого нам зачастую не хватает.

Впечатления мои можно искусственно разбить на две категории: впечатления ученого, работающего с объективной реальностью, и впечатления человека, искренне и по-своему наслаждающегося жизнью и происходящими в ней событиями. Изложение впечатлений ученого не составляет труда – мне постоянно приходится это делать по работе. И, набирая на компьютере эти строки, я понимаю, насколько сильна привычка излагать факты научным языком. В голове постоянно вертятся готовые клише, а вместо слова «я» хочется поставить «мы». Как же был прекрасен язык изложения научных материалов в середине XIX века, когда человек мог писать свободно, не боясь красочности впечатлений и эмоций!

Сухое, научное изложение фактов вряд ли может заинтересовать рядового читателя. Поэтому события я буду излагать скорее как рядовой участник экспедиции и натуралист, любящий и умеющий читать книгу природы.

Вопрос о структуре изложения снялся как-то сам собой. Давнишняя привычка писать дневники во время поездок и обрабатывать их после прибытия домой дала в мои руки «сырой» материал, разбитый по дням. Этой структуры я и постараюсь придерживаться в повествовании.

25 мая 2007 года

Сборы в экспедицию и отправка – всегда волнующие события. Сколько раз ни случалось это в жизни, острота впечатлений «первого дня» не проходит. А в этот раз, когда старт экспедиции был назначен от Дома печати – места, откуда отправлялась первая памятная экспедиция «Западная Двина-1998», нахлынули воспоминания, не перебиваемые обычной суетой с вещами, раздачей формы, бэйджиков, общением с провожающими и членами команды. Именно с этих ступенек началась экспедиция, в которой сдружились люди разных специальностей и даже разных государств, хотя до сих пор не верится, что Белоруссия с ее Беловежской Пущей – государство другое, хотя и дружественное нам.

Напутственные речи представителей администрации области, главного редактора «Тверской Жизни» Станислава Певганена. Здесь же ученики десятой гимназии. Они тоже хотят с нами в поход! Общение перед отправкой... Что-то забывается, но что-то западает в душу. Особо дорого мне оказалось общение с Вячеславом Михайловичем Воробьевым, простая беседа с картой в руках. Здесь, по сути дела, беседовали два мальчишки, сохранившие огонек в глазах при виде земель, которые придется пройти, но с годами приобретшие опыт, делающий путешествие вдвойне заманчивее и притягательнее. Вячеслав Михайлович, человек многогранного дарования, несколькими росчерками пера по карте нанес интересные с археологической точки зрения объекты на берегах Обши, Межи и Западной Двины по пути следования экспедиции. Они отражали древнейшую, древнюю и новую историю заселения этих мест, позволяли соприкоснуться с предками, взобраться на холмы и высокие берега, с которых некогда те обозревали владения свои, строя планы на будущее и вспоминая далеких пращуров...

Удивительно, но разнообразие отправляющихся и провожающих не казалось неуправляемым; некая сила двигала их в одном направлении,

к выполнению одной задачи – успешного и своевременного отбытия экспедиции. Сила эта была заключена по большей части в одном человеке, благодаря которому состоялись многие славные экспедиции по Тверской области и далеко за ее пределами. Гарий Семенович Горевой, неутомимый путешественник, всегда появлялся там, где это было нужно, направляя участников на выполнение одной задачи. Его по большей части тактичные, но, когда нужно, твердые распоряжения не раз впоследствии спасут экспедицию от незапланированных ситуаций. Будучи на голову (а кого и на две-три) выше участников экспедиции по опыту путешествий, этот мастер спорта по туризму обладает невероятным умением чувствовать людей, направлять их в нужное для общего дела русло, не задевая самолюбия.

Путь в Белый, к месту старта экспедиции... Приподнятое настроение, речь Гария Семеновича, увлекательно рассказывающего о целях и задачах экспедиции... Казалось бы, где тут место для натуралиста? Ан нет! Путешествие на колесах открывает для исследователя заманчивую возможность изучения природы на большой территории, формирования моментального «среза» ее по пути следования. Опытный глаз даже при быстром движении вычленил интересное, а в голове сформируется целостный образ увиденного.

Например, по пути следования экспедиции, в деревнях Свистуново, Плешки, Звягино и Бобровка, на водонапорных башнях, встретились нам гнезда белых аистов. Сколько раз ни приходилось мне двигаться по дорогам Тверской области, эти гнезда сразу бросались в глаза. Почти всегда устроены они были на водонапорных башнях, доминирующих над местностью и видимых с большого расстояния. Лишь в некоторых местах для красивых птиц соорудили специальные шесты с настилами на тележных колесах. Наверное, каждому, кто был в сельской местности, попадались эти птицы, важно вышагивающие по мокрому лугу и собирающие аппетитных лягушек, а то и ворующие рыбу у зазевавшихся рыбаков. И не каждый, а только люди моего и более старших поколений вспомнят, что еще 20 лет назад птица эта была редкостью в Тверской области. Трудно сказать, почему стала она двигаться постепенно на северо-восток, «придя» к нам из Белоруссии через Смоленскую область. Может быть, это связано с некоторым потеплением климата, а может, лягушки стали вкуснее – не суть! Жители области рады появлению красивых птиц рядом со своими домами, а ученые пристально наблюдают за продвижением аиста дальше на север. А «дошел» он туда ни много ни мало – аж до Лесного района, покрытого лесами, классифицируемыми как южная тайга!!! Вот уж воистину встреча миров, мира умеренной полосы с атлантическим климатом и мира темнохвойной тайги с климатом суровым!

Интересно, что хорошо знакомая нам птица населенных пунктов (ученые называют такие виды синантропными) сизый голубь встречалась нам по пути исключительно редко. Орнитоз, поразивший этих птиц в конце 80-х годов прошлого столетия, сильно сократил до того многочисленные популяции сизого голубя в Тверской области. С тех пор численность их так и не восстановилась; кормовая ниша этих птиц была занята галками (размножившимися невероятно) и сизыми чайками. Поэтому глаз приятно порадовала стайка из 17 сизарей, взметнувшихся над сельскохозяйственной постройкой в селе Колталово. Птицы эти показали, что не умерло еще хозяйство в селе, что засеваются кое-где поля, дающие урожай зерновых. А ведь чаще за окном тянулись пахотные угодья, зарастающие березками и сосенками, приводящими в негодность то, что в поте лица разрабатывалось нашими предками...

Вместе с сизым голубем уменьшилось количество его более крупного лесного собрата, голубя вяхиря, называемого в народе витютенем. Птица эта любила склевывать зернышки по краям полей, улетающая на ночь в глубь леса, где на лапах густой невысокой ели устраивала редкое гнездо-помост. Нет посевов, меньше стало и вяхиря, реже

стал радовать глаз его быстрый голубиный полет и мелькающее белое пятно-зеркальце на крыле. Лишь изредка этот голубь срывался из посадок по краю дороги и скрывался в зарослях на противоположном конце поля. Однако у вяхиря есть будущее. В Париже, например, я видел этих птиц в городских парках. Они смело пили воду из луж около фонтанчиков и отдыхали на головах античных статуй в Charden de Caroussel у Лувра. Возможно, и у нас скоро они облюбуют парки и будут по вечерам радовать глубоким грудным голубиным урчанием-уханьем.

Стоянки по пути – просто клад для натуралиста. Здесь ему предоставляется возможность не только некоторое время наблюдать кусочки природы, но и слышать звуки, видеть следы, говорящие опытному глазу многое об обитателях этого места. Благодаря единственной «зеленой» остановке на Рижском шоссе у поворота на деревни Березоваха и Горбуны я имел возможность насладиться полем, сплошь заросшим одуванчиками и помещенным в раму из светлой березовой и темной еловой зелени. Такое место не мог не облюбовать задорный пастушок-коростель, своим криком «крекс-крекс» (отсюда – латинское название *Crex crex*) оглашавший сырой участок поля у придорожных зарослей. Любопытная эта птичка подобралась к пришельцу на расстояние несколько метров, умело маскируясь и при малейшем движении наблюдателя замолкая, чтобы удалиться от него на безопасное, на ее взгляд, расстояние. Откуда-то с высоты разливались трели полевых жаворонков, а в придорожных зарослях пели пеночки-веснички. Птицы эти обозначали гнездовую территорию, на которой где-то на поросшей травой полянке, близ деревьев, устроено на земле гнездо-шалашик, найти которое исключительно трудно. Задача эта несколько облегчится, когда вылупятся птенчики и родители с кормом начнут летать в гнездо, невольно выдавая его расположение.

Над полем царил силуэт ястреба-канюка. Многочисленный в Тверской области, этот ястреб легко узнаваем благодаря своему поведению. Птица часами может кружить над полем, высматривая с большой высоты грызунов, которые составляют основу ее «меню». Заметив добычу, птица «останавливается» в воздухе, часто махая крыльями («трясется», говорят в народе), а затем быстро снижается, хватая жертву сильными лапами. Несчастный грызун проглатывается целиком; о его короткой жизни потом напоминают погадки, состоящие из отрыгнутых шерсти и непереваренных костей, находимые под излюбленными местами отдыха канюков – столбами, одиноко стоящими деревьями или стогами сена.

Выхватывает опытный взгляд исследователя и необычные для нашей полосы виды растений. Опытный ботаник даже на ходу может заметить редкие и заносные травянистые растения. Я же, как зоолог,

отметил после города Торжка, за узкоколейкой, достаточно далеко от ближайших населенных пунктов, деревья, а именно, посадки лиственницы, состоящие из особей 8–12-метровой высоты. Вероятно, здесь ранее был питомник. Таковые были популярны в середине прошлого века. Помню, как, сев отдохнуть, на мой взгляд, в дремучем лесу, я опустил взгляд и увидел веточку этого таежного дерева. Взглянув наверх, увидел, что сижу в окружении уже достаточно толстых лиственниц, органично вписавшихся в сообщество нашего смешанного леса. Среди старых деревьев к свету тянулись молодые сеянцы. Значит, может это дерево существовать на тверской земле, но мешает конкуренция со стороны лучше приспособленных «аборигенов» – древесных пород средней полосы. К слову, лиственницы часто высаживались в приусадебных парках; немногие сохранившиеся там экземпляры достигают поистине колоссальных размеров. Сажают лиственницы и в населенных пунктах. Не исключением оказался и Белый, где вдоль домов по левому берегу реки Обши, близ места старта водного этапа экспедиции, стояло несколько средневозрастных лиственниц.

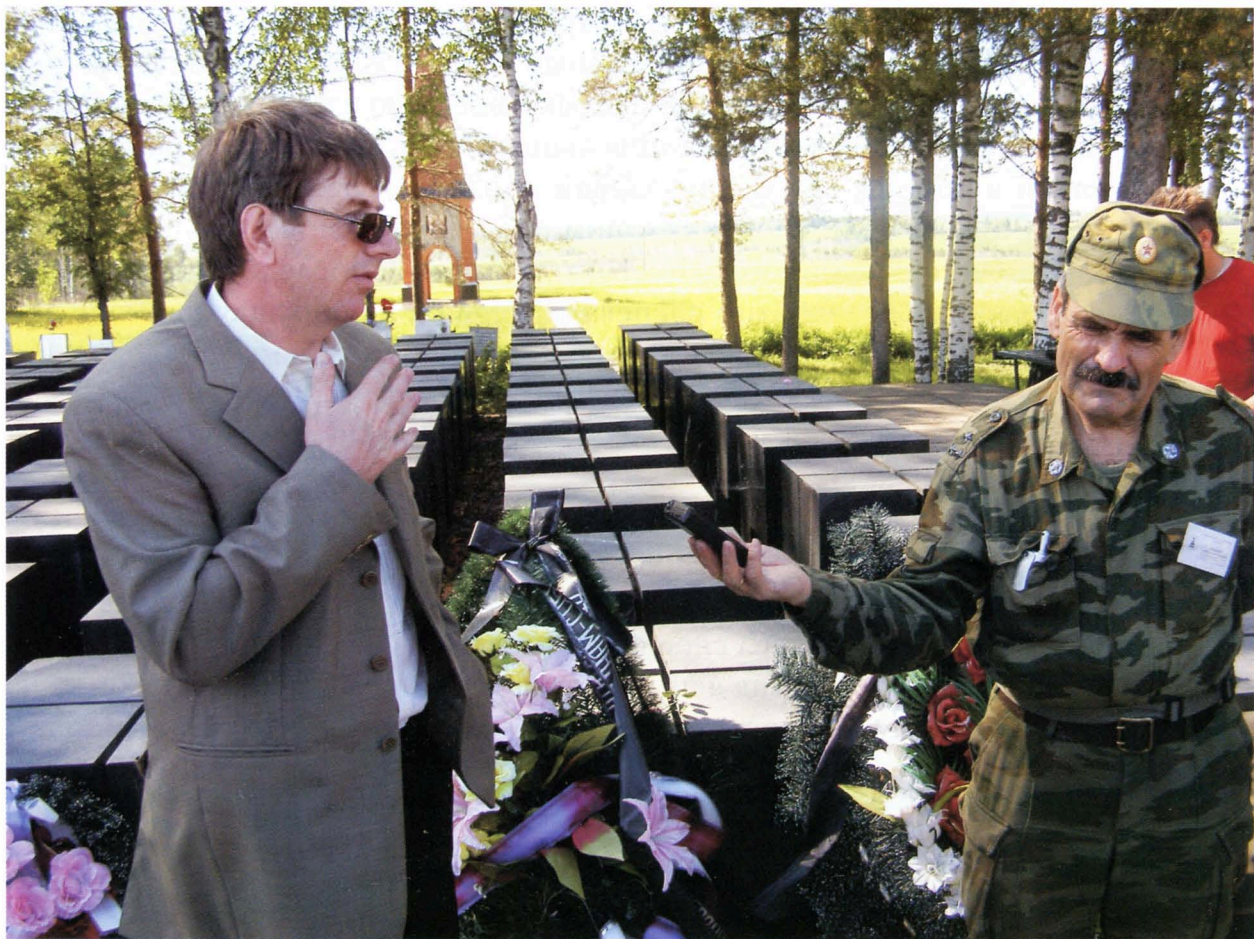
Место старта у подвесного моста через реку Обшу было выбрано

не случайно. Левый берег оказался здесь достаточно пологим, а на одной из невысоких террас можно было поставить палатки. Вдоль берега по обеим сторонам реки тянулись заросли ив – корзиночной, трехтычинковой, ветлы и козьей, к которым примешивались деревья ольхи серой. Близость открытых пространств, а также деревянных построек Белого определила набор птиц, которых мне удалось отметить в ожидании прибытия остальной части экспедиции. Здесь были и полевой жаворонок с черным стрижем, обеспечивавшие фон птичьего многоголосья. С ними в небе летали деревенская и городская ласточки, гнезда которых были устроены под коньками стоявших неподалеку домов. Заросли вдоль воды облюбовали кустарниковые и садовые камышевки и соловьи. Днем эти замечательные певцы были более чем скромны, но ранним утром и вечером до полуночи они демонстрировали свой вокал, искусно переходя от щелкающих к свистовым трелям, берущим за душу, навевающим романтическое настроение.

На отдельных кустах заливного луга по берегу Обши нехитрые песенки исполняли серые славки, а в более высокоствольных зарослях берез пели пеночки-веснички, радуясь солнышку и сливаясь своей желто-зеленой окраской с солнечными бликами в нежно-зеленой листве берез. Временами пролетали стайки торопливых щеглов, лишь на мгновения задерживаясь в кронах тополей среди садовых участков, да на прибитых течением к берегу бревнах суетилась белая трясогузка, деловито помахивая хвостом и склевывая спугнутых этими движениями насекомых.

Поездка к мемориалу воинов-сибиряков возле не существующей уже в настоящее время деревни Плоское произвела неизгладимое впечатление. И не только потому, что гидом нашим был замечательнейший человек, заместитель главы района Анатолий Катаев, всей душой болеющий за родной край и знающий его, но и потому, что удалось особенно остро почувствовать хотя бы тысячную долю того, что чувствовали воины, прибывшие сюда из Сибири, чтобы сложить головы в первом же бою...

Холм, на котором воздвигнут мемориал, доминирует над местностью, давая замечательный обзор. Как на ладони видно все поле боя. Мало оно изменилось с тех пор: только деревня Плоское исчезла, да выросла на холме рощица из берез, ольхи и ивы, а у мемориала прижились посаженные заботливой рукой сосны – напоминание лежащим здесь сибирякам о кедровых соснах их родины. Вон, под холмом, виден ручеек с болотистыми берегами, который помешал нашим воинам двигаться в сторону немецких позиций. Именно в его зыбкой долине утонул наш танк, стоящий ныне в парке Памяти на древнем городище Белого. Оживляет эту предательскую долину теперь лишь крик ко-

ростеля... Кто знает, может быть, в него переселилась душа одного из танкистов, и теперь каждый год он прилетает сюда, чтобы увидеть это место, чтобы сообщить окружающим, что здесь произошло...

Однако жизнь берет свое, и это верно... В рощице близ монумента молодежь празднует скорое окончание школы, а в кронах деревьев поет пересмешка. Эта оливково-зеленая птичка, несмотря на свои небольшие размеры, достаточно громкий певец, наряду с иволгой оживляющий наши березовые леса. Леса эти, посаженные преимущественно сразу после войны, теперь стоят как память о тех годах.

К пересмешке вскоре присоединился бойкий зяблик, а на краю колка завела свою «витю-видел» чечевица. Мухоловка-пеструшка пробормотала незатейливую песенку и занялась ловлей насекомых на лету, а на одиноко стоящем дереве среди поля, там, где когда-то рвались снаряды и люди поднимались в атаку, устроился теперь лимонно-желтый самец обыкновенной овсянки. Он сел на вершинку деревца, оглядел расстилающиеся окрест поля и в экстазе пропел хорошо знакомое любому путнику, бредущему жарким днем через поле, «си-си-си-си-си-си-сиииии...тью».

Походы на концерт и с концерта по Белому, в большинстве своем деревянному, вызвали неподдельный интерес у жителей. Нечасто приходилось видеть им группки одетых в военную и походную униформу людей, бредущих в сторону красавицы Обши, да еще с гитарами! Даже галки и вороны как бы невзначай пролетали над идущими людьми, на самом же деле проявляя к ним повышенное внимание. А не несут ли они чего съедобного? Не стоит ли за ними последовать? И только горихвостки беззаботно распевали в садах, не обращая внимания на процессию. Редкие и здесь сизари перелетали от двора ко двору в поисках семян. А полет серой цапли, «прокаркавшей» что-то недовольно, показал, что находимся мы недалеко от воды, по которой предстоит идти не один день.

За суетой сбора байдарок и постановки палаток наступил вечер. Над рекой и заливными берегами ее опустился туман, но не густой, а еле заметный по ореолу вокруг луны. Смолкли дневные певцы, и только соловей активнее запел свои финальные песни. Пролетели на ночевку желтые трясогузки, так и не показавшиеся днем. Неподалеку, на краю заливного луга и зарослей, завел свою монотонную песню козодой. А

на другом берегу реки, в зарослях по краю забора, запищали птенцы ушастой совы. Писк этот, заглушаемый временами песнями у костра, напоминал родителям-совам о том, что чада проголодались и ожидают свежей полевочки или домовой мыши, а то и крупного жука...

26 мая 2007 года

Утро встретило солнышком, приятно понежившим занемевшее холодной ночью тело. Завтрак, недолгие сборы, и мы – на воде! Наконец-то почувствовалась «живая» постановка байдарки на воде, а в руках оказалось весло, мягко разрезающее воды Обши. Прощальное пение бельского ансамбля еще некоторое время стояло в ушах, но постепенно внимание захватили новые впечатления.

В пределах поселка река оказалась сильно извилистой, дома не подходили близко к берегам. Хотя берега были высокие, растительность на них указывала, что в весеннее половодье вода затопляет их, делая любое строительство здесь бессмысленным. Однако нанесенный в это время плодородный ил способствует бурному росту здесь травяной растительности, замечательного корма для скота. Лишь изредка, по большей части по левому берегу реки, встречались заросли кустар-

ников (главным образом ив), а также группки деревьев (ветла, осина). Сложенные глинами, перемежающимися с линзами песка, берега эти сочились влагой, создававшей благоприятные условия для произрастания влаголюбивой растительности.

Находясь в пределах поселка и не видя домов, мы все же могли почувствовать близость населенного пункта. Об этом свидетельствовали некоторые птицы, встреченные у реки. Например, сорока. Эта шумная птица знакома всем, но не все знают, что старается она держаться в населенных пунктах или поблизости от них. Обязательным условием ее присутствия является наличие густых кустарников или низкорослых деревьев с плотной кроной. Вдоль реки в Белом эти кустарники оказались идеальным местом для гнездования нескольких пар сорок; их шарообразные гнезда то и дело попадались нам на левом берегу реки, а стрекочущие птицы не раз перелетали реку, демонстрируя роскошное черно-белое оперение, переливающееся на солнце. Помимо сорок о близости домов «сообщали» своим присутствием городская и деревенская ласточки, а также скворцы. Птицы эти, хорошо знакомые всем с детства по литературе, почему-то не сразу узнаются «в поле». Видимо, есть большая разница между тем, что видишь на бумаге, и тем, что наблюдаешь в природе. Во всяком случае, члены экспедиции были очарованы неожиданной красотой этих плотно сбитых птичек с коническим клювом, переливающимся оперением, усыпанным белыми пятнышками. Скворцы деловито расхаживали по берегу, собирая там беспозвоночных на корм птенцам, сидящим в скворечниках и дуплах в Белом. Еще не раз потом птицы эти будут показывать нам близкое жилье, помогая отмечать на карте пройденные населенные пункты, невидимые с воды.

Увлекательно движение на байдарке по реке! Весло мягко разрезает темную гладь воды, под которой кроется нечто неведомое, древнее. Оттуда смотрит на тебя неизвестность, знакомая и почитаемая еще далекими предками. Эта неизвестность выразилась в русалках, наядах, водяных и сиренах. Они опасны, но в то же время с ними можно договориться. Например, принеся жертву. Моя жертва оказалась невольной – хозяева реки забрали две аккумуляторные батарейки от фотоаппарата. То ли не хотели, чтобы я сфотографировал какие-то сокровенные уголки близ их царства, то ли увлеклись подводной фотографией, следуя веяниям времени. Я на них не в обиде. Царство их подарило ни с чем не сравнимое удовольствие полета над темной гладью, позволило ощутить себя частичкой чего-то большего, до дрожи в руках родного.

Знания и навыки, полученные за многие годы учебы и путешествий, берут свое. Ухо автоматически отмечает пение в кустах речной и садовой камышевки, речного сверчка. Садовая славка, пеночка-весничка и чечевича показывают, что мы проходим более высокоствольные заросли, состоящие из ивы козьей, ветлы и осины. А уж крики грачей и вовсе показывают наличие старых деревьев, на которых птицы эти устроили свои подновляемые каждый год гнезда.

Гостеприимный Белый остается за кормой как-то незаметно. Берега с воды кажутся однообразными – уровень воды необычайно высок, и отмели, бечевники, придающие реке в середине лета и в начале осени ни с чем не сравнимый колорит, оказались под водой. Нам открываются только поросшие травой и кустарниками стенки верхней террасы реки, сочащиеся влагой. Лес к реке в этих местах не подходит, уступая место пойменным лугам. Из древесных пород «выдержать» постоянное увлажнение и подтопление могут только ивы и ольха, образующие местами густые заросли, лентами тянущиеся вдоль берегов. Они оказываются очень удобными для гнездования дрозда-рябинника. Корявые стволы с развилками – идеальное место для устройства дроз-

довых гнезд, чаш, умело свитых из травы и скрепленных землей. Самый красивый среди наших дроздов, он неизменно привлекает внимание участников экспедиции.

Выделяются заросли ольхи черной. Дерево это, созвучное с нормандским именем Ольга, пришедшим в славянский язык, особо отмечалось в древности. Не потому ли, что заросли его находятся обычно во влажных углубленных долинах рек и речушек, а темный ствол и густота крон поддерживают здесь постоянный полумрак? В подобных местах человека охватывает какая-то беспричинная тревога, усиливаемая причудливыми стволами отмерших деревьев, покрытых зеленым ковром мха и перистыми листьями папоротников. В нашем случае заросли эти преподнесли подарок. Из них послышалось пение немногочисленного в Тверской области вида птиц – малой мухоловки. Птичка эта невелика, серенькая, и только самец на третий год приобретает красивую красную манишку, которую старается не показывать чужакам, а демонстрирует лишь своей избраннице.

Делая местами крутые изгибы, река каждый год подмывает берега. Там, где во время весеннего половодья «съезжает» в воду часть берега и обнажается глинистый берег, находят удобное для гнездования место ласточки-береговушки. В отличие от городской и деревенской родственниц они роют норы в берегу, делая в земле гнездовую камеру. Обязательными условиями для организации колонии являются структура почвы (норки не должны осыпаться), а также наличие козырька из дерна, который защищает входы норок от размыва дождем. Две колонии береговушек были встречены нами в первые два часа путешествия, а потом ни разу; река перестала делать крутые повороты, а потому исчезли берега со свежими оползнями. Обща становилась шире и вальяжнее, указывая на подпор ее водами уже близкой и более крупной Межи. Река стала «позволять» себе обширные омуты с темной водой, в которых, как водяные, таились утонувшие стволы сплавляемых здесь некогда деревьев. Напитавшись газами в процессе разложения, они то и дело показывали «голову» над водой, заставляя путешественников не терять внимания.

А внимание было кому отвлечь! Да хотя бы маленьким птичкам, которые при приближении байдарок с писком взлетали с берега или торчащего над водой топляка и, мелко подрагивая острыми крылышками, перелетали над самой водой вниз по течению, чтобы вновь взлететь при приближении байдарок. Кулики-перевозчики, именно так величают этих птах за обыкновение перелетать с берега на берег над водой, сопровождали экспедицию на протяжении почти всего маршрута, оживляя своим присутствием местами пустынную акваторию. Изредка

попадались их более крупные и темные родственники, белое надхвостье которых на фоне почти черной спины и крыльев сверкало как маячок во время замысловатого полета. Кулики-черныши в это время года предпочитают держаться небольших водоемов вблизи леса, где гнездятся на деревьях в чужих гнездах – необычная для кулика привычка! Преимущественно озер с зарослями по берегам придерживаются в это время и водоплавающие птицы, а потому на Обше нам лишь изредка встречались брачные пары крякв, вылетавшие сюда покормиться водной растительностью и беспозвоночными.

За древней Сопоть, что на левом берегу реки Обши, рельеф берега стал меняться. Появились холмы, никогда не затапливаемые водой и поросшие средне- и старовозрастными березами. Об изменении характера растительности косвенно свидетельствовало также пение обыкновенной кукушки, услышанное нами впервые с начала пути. Из ольховых зарослей дал о себе знать дрозд-белобровик.

Подходящие близ деревни Старое Бохово близко к урезу высокой воды заросли ольхи, осины и березы в сочетании с повышенной влажностью, создаваемой сочащейся из берега влагой, вызвали интересное явление. Страусник, розетки листьев (точнее, вайи, как по-научному называются напоминающие листья структуры папоротников) которого напоминают собранные в пучок страусовые перья, «вышел» из тенистых долин прибрежных ручьев на берег и декоративным ковром «расстелился» до воды. Явление это, привлекшее внимание участников экспедиции, живо напомнило мне берега вьетнамских речек, на которых в условиях избыточного увлажнения охотно растут папоротники, свешиваясь до самой воды. Поистине многообразна и удивительна природа нашего края! Надо лишь хотеть и уметь это видеть!

Первая стоянка-ночевка после дня пути... Всегда ждешь ее с каким-то особым чувством. Какой она будет? Та, что определит последующие. Пройдя с крейсерской скоростью деревню Понизовье, где нам был оставлен груз, запланирован концерт, а также намечена стоянка возле моста через реку, мы с Гарием Семеновичем, начальником и «адмиралом» экспедиции, а одновременно напарником по байдарке, обнаружили, что имеющиеся у нас карты не показывают никакого моста поблизости от деревни. Рекогносцировочный поход Гария Семеновича по берегу, однако, развеял наши сомнения. Мост был, отличный, типовой, железобетонный, но не обозначенный на картах!!! Возле него, на левом берегу реки, и была устроена стоянка. До деревни Понизовье по дороге оказалось около километра, который не раз преодолевала наша концертная группа, а также местные жители, привезшие груз, дрова и запас воды. Дорога эта шла, заключенная с

Разные птицы, разные и следы

обеих сторон в болотистые низины, поросшие влаголюбивой травой. Их не преминул облюбовать коростель, первая птица, которая сразу поприветствовала нас на новом месте.

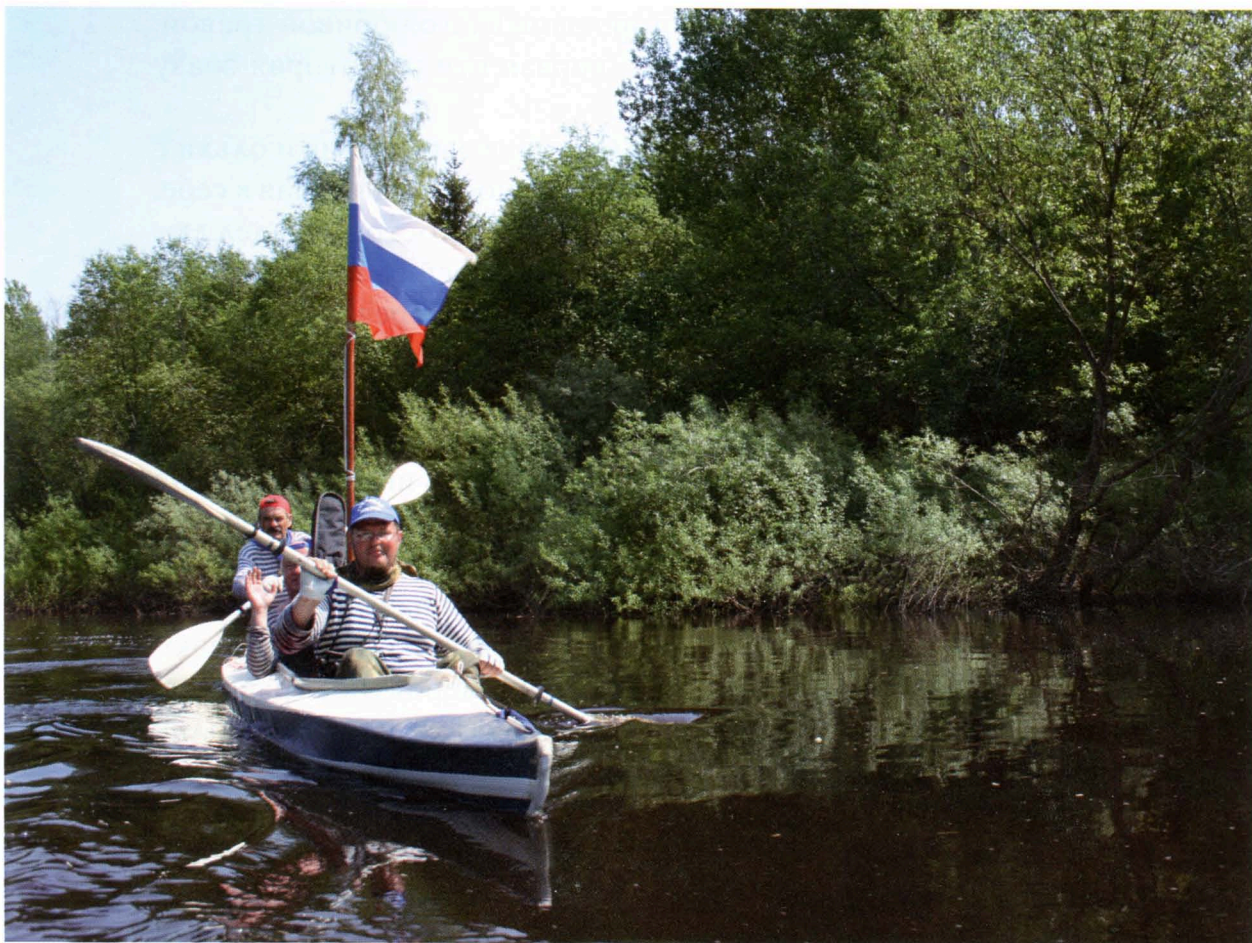
За мостом дорога уходила прочь от берега, в заросли ив и ольхи с примесью молодых березок. За ними – неизвестность, манившая к себе. Поэтому, поужинав и оставив группу петь песни у костра, я надел любимую, всю в заплатках, но страшно удобную телогрейку, взял бинокль, фотоаппарат и диктофон и отправился в сумерках через мост на правый берег реки. Дорога здесь, слабо наезженная для такого серьезного моста, оказалась стиснутой между двумя низинными болотинами, поросшими редкими кустами ивы. Скоро теряясь между перелесками на низких всхолмлениях, она содержала в себе кладезь информации! На ней были почти высохшие лужи! Податливая грязь их сохранила записи дневных и, что более важно, сумеречных и ночных посетителей. Вот прошел человек с собакой; сначала от моста, потом назад. Возможно, охотник. Тем более что близ моста обнаружился аншлаг, обозначающий охотничье хозяйство «Окорус». Лягушки, вероятно, травяные, пересекая дорогу, оставили цепочки замысловатых следов. Зяблик ходил по дороге, собирая на ней разных мелких беспозвоночных. А вот и след сумеречного посетителя – кулика-вальдшнепа. Пугливая птичка эта ходила по дороге, выискивая в грязи зарывшихся там личинок. На память остались четырехпалые с почти не отпечатавшимся коротким задним пальцем следы да отверстия от длинного клюва. Пробежала деловито водяная полевка (называемая еще водяной крысой), на дороге она не задержалась – может схватить хищник, да и растительности для пищи нет.

Сумерки сгустились, и на пустошах вдали завел свою песню козодой. Ему вторил стрекотанием речной сверчок, да неспешно произносила фразы бесконечной песни садовая камышевка. Где-то вдали, у деревни, покрикивал уже знакомый коростель. Завтра будет новый день, а сейчас – наше время...

27 мая 2007 года

Ранняя побудка утром снова окунула в мир реальности. Ночь в отличие от предыдущей оказалась теплой. К утру собрались облака, повысилась влажность, но дождя, на удивление, не случилось!

Среди утренних певцов отличилась зарянка, начавшая свою незамысловатую песенку раньше всех. Скоро к ней подключились соловей, пеночка-теньковка, зяблик и иволга. А по другую сторону моста влились в утренний хор травяные лягушки. Их пение было настолько слаженным, что невольно заставило задержаться на мосту, под которым

катила свои воды Обша, за ночь несколько остывшая, но все такая же притягательная. Утреннее погружение в ее воды освежило, вкусный завтрак напитал, а белая трясогузка, охотившаяся на мосту с восходом солнца, напутственно процикала вслед.

Экипаж наш увеличился. На борт был принят замечательный бард, полковник Приступюк. Своими песнями он радовал взрослых и детей, но для игры на гитаре нужны были ненатруженные руки. Постоянная же гребля в течение дня могла привести к их усталости, к боли в лучезапястных суставах. Поэтому «адмиралом» было принято решение взять полковника на борт в качестве груза.

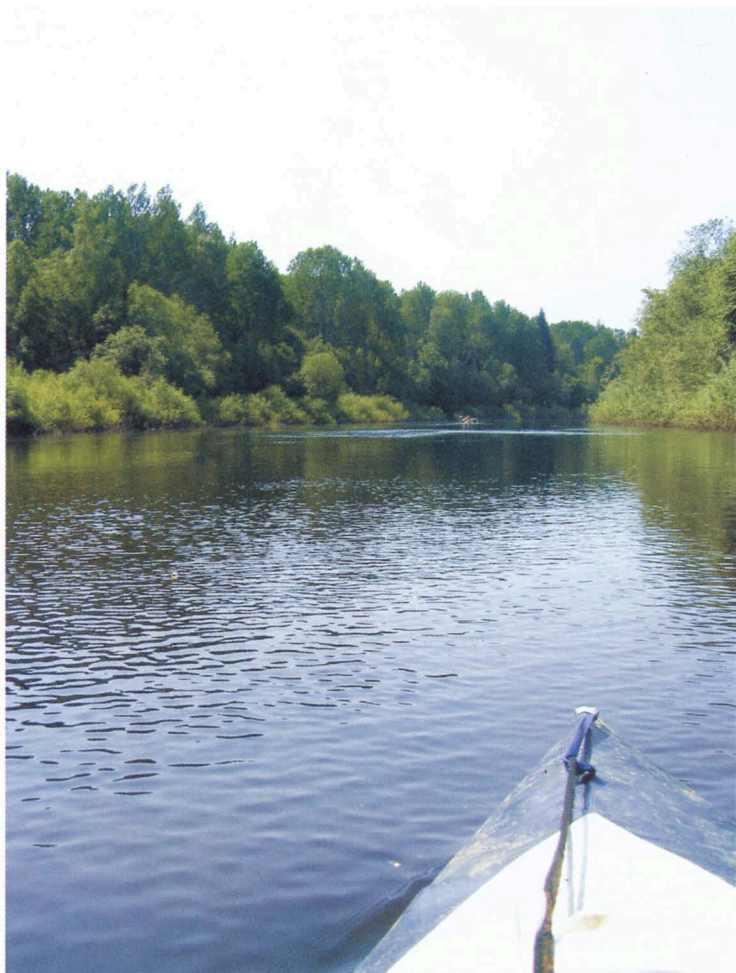
Что и говорить, скорость наша после этого резко уменьшилась. Из авангарда мы сразу перешли в середину группы. Но самым забавным оказалось не это; байдарка отказалась далее служить исправно при такой нагрузке. Несколько поврежденная ранее на Селигере членами союза «Наши», она стала расползаться далее. Левый фальшборт отлетел полностью и держался только на «шкуре», это обнаружилось не сразу, а тогда, когда лодка вдруг стала заваливать на левый борт. Титанических усилий требовалось для постановки ее на курс. Организм

мой радовался увеличившейся нагрузке (мышечная радость – одна из самых приятных), но голова отказывалась понимать нерациональность расходования сил. Глаза нам открыла одна из обгонявших (о, стыд и позор!) байдарок. Оказывается, левый борт наш практически ушел под воду; вода в байдарке прибывала. Выход из положения был предложен Тимофеем Алехиным, также замечательным бардом, автором многих песен и опытным водником. Он поделился с нами первым спасательным средством любой байдарки, а именно клизмой. Та в руках полковника Игоря Приступюка стала эффективным средством борьбы против излишнего погружения плавательного средства, который с каждым километром все больше напоминал известную яхту

«Беда». Впереди – старший помощник Лом в моем лице, лопающийся от натуги на веслах, по центру в обнимку с чехлом из-под контрабаса (читай, гитары) – Фукс – Приступюк, а на корме, взгромоздившись на сиденье, капитан Врунгель – Гарий Семенович. Сходство было столь разительным, что вызвало продолжительный смех и поток добрых остроумий со стороны остальных экипажей. Что бы мы делали без этого заряда остроумия и юмора?! Во многом благодаря ему выдержали мы переход в этот день.

После деревни Понизовье Обша еще более изменилась. Подпор со стороны Межи стал ощущаться все сильнее, а по правому и левому берегу, согласно карте, совсем недалеко, начались отроги верховых болот, основные массивы которых расположились в виде Пелецкого и Жарковского мхов с обоих берегов Межи в нижнем ее течении. Участки невырубленного пойменного леса начали попадаться все чаще. Состояли они из осины дрожащей, березы бородавчатой, вяза гладкого, липы и рябины в подросте. Когда-то подобные уремы располагались и в верхнем течении Обши, но со временем были вырублены и сплавлены.

Близкое расположение к воде лиственного леса с осинной и ольхой привлекло бобра, норы которого, а также следы деятельности в виде погрызов начинали попадаться чаще. Когда-то доведенный до вымирания практически на всей территории европейской России, благодаря охранным мерам и переселению из рефугиумов зверек этот не только восстановил численность, но и стал активно расселяться, занимая территории, ранее считавшиеся неудобными для этого вида. Местами, в своей обычной манере подпруживая водотоки, он стал наносить вред, затопляя не только участки строевого леса, но и изменяя гидрологический режим пахотных земель.

Несмотря на значительное напряжение, связанное с греблей на перегруженной (общий

груз – около 300 кг) байдарке, мне удавалось время от времени проводить наблюдения, записывая впечатления на неизменный диктофон, очень помогший в исследованиях. До 10 часов 50 минут – времени, когда «Беда» вошла в воды реки Межи, нам встретились камышевка болотная и садовая, славки черноголовая и садовая, сойка, чечевица, кукушка, вертишейка, кулики – перевозчик и черныш.

Выход в более многоводную Межу принес новые ощущения. Появилась перспектива, то есть увеличилась дистанция, которая видна впереди байдарки. С одной стороны, это хорошо, поскольку видно, что ждет тебя не только в самом ближайшем, но и в более отдаленном будущем, но, с другой стороны, перестает чувствоваться скорость из-за изменения окружающего масштаба, а иногда и удаленности берегов, если лодка следует ближе к центру реки.

Деревня Таборище, строения которой появились почти сразу после устья Обши, принесла гнездо белого аиста на опоре ЛЭП. Это было первое встреченное за путешествие гнездо аиста, расположенное не на водонапорной башне.

Открывшийся оперативный простор позволил нескольким экипажам сцепиться и, влекомым течением, наслаждаться красотами ландшафта. Во время этого приятного дрейфа мы отметили дрозда-белобровика, большую синицу, кустарниковую камышевку и зяблика. Подарком оказалось пение немногочисленной в Тверской области славки-мельничка.

Берега все еще были лишены леса и несли следы хозяйственной деятельности в недавнем прошлом. Сейчас, после ее приостановления, началось зарастание земель, некогда использовавшихся под посевы, а также их активное заболачивание. Глинистая почва не прощает отсутствия внимания к ней и отвечает быстрым возвращением в первородное состояние, из которого с трудом была некогда выведена.

В 12 часов 40 минут экспедиция достигла широколиственных урем, редких для Тверской области, начавшихся сначала по левому берегу Межи. И хотя оттуда нас уже «приветствовала» обыкновенная кукушка, с правого берега все еще продолжали петь птицы относительно открытых пространств – серая славка, речной сверчок и чечевица. Вскоре мы были уже с двух сторон «зажаты» уникальными пойменными лесами и полностью окунулись в их заманчивый мир настолько, насколько можно оценить его было с воды.

Дубы в устье Чичатки... Мне удалось познакомиться с ними в 1986 году, когда во время полевой практики первого курса я с группой однокурсников вышел к ним с верховьев Чичатки. Тогда они произвели на меня, человека, выросшего в краю смешанных хвойно-мелколиственных и хвойных лесов, неизгладимое впечатление. Помню морщинистую кору этих гигантов, большие дупла, в которых любили селиться громадные шершни. Помню бревна, которые еще несла Межа вниз по течению...

2007 год показал, что ничто не вечно. Многие из роскошных гигантов, видимо, отжили свой век и находились в полужасохшем состоянии. Свою роль могло сыграть также многолетнее подтопление устьевого участка реки. И хотя великаны оставили после себя подрост, такого леса мы не увидим еще столетие. Но все же спасибо Чичатке! Ее воды приятно освежили нас, а небольшой привал позволил починить «Беду», стянув разошедшиеся борта веревкой.

Следующий левый приток, Шесница, порадовал. Огромные дубы в его устье находились в хорошем состоянии, а крупные вязы и клены дополняли великолепную картину широколиственного леса. Над ним само время оказалось не властно. Река по-прежнему была заключена в узкие берега, аккуратно изливаясь в гостеприимные воды Межи.

Вскоре за устьем Шесницы нам попался первый вестник большой воды – озерная чайка. Дребезжащим криком своим, напоминающим крик мартышки (за это она получила свое народное название – «мар-

тышка»), возвестила она о близости поселка Жарковский, места, где нас ожидала вторая часть экспедиции, собиравшая плот. Приближение к поселку ознаменовалось появлением большого количества открытых пространств (жаль было покидать сказочные уремы), о которых косвенно свидетельствовало увеличение количества канюков, охотящихся, как известно, на полях.

Вход в первый большой населенный пункт на нашем пути был осуществлен идеально. Развернувшись парадным строем и достав стяги, мы лихо причалили к берегу у западной окраины поселка, где на пологом берегу встречали нас хлебом-солью местные жители. Чуть ниже по течению, возле влажного из-за высокой воды берега, красовался свежими досками плот. Вблизи него после торжественной встречи, песен и речей причалили байдарки; здесь же было решено разбить палаточный лагерь.

Плот, наш «кормилец» в последующие дни, привлек общее внимание. Сооруженный на автомобильных камерах, он манил к себе, приглашал посетить, прикоснуться рукой к свежеструганой древесине,

вдохнуть ее смолистый запах. С борта плота в этот вечер мы получили первый наш ужин, приготовленный умелыми руками кока Катерины. Ее искрящиеся добротой и задором глаза сообщали пище какой-то особый вкус, не передаваемый словами.

Вечерний концерт в клубе прошел на ура. Катерина оказалась не только замечательным коком, но и великолепным певцом, аккомпанировавшим себе на гитаре. Песни ее с подпевкой храбрых подполковников, участников экспедиции, пользовались особым успехом у слушателей.

Удивительно, но на правом берегу реки Межи, в черте поселка, близ нашей стоянки, сохранился участок коренного леса – старый ельник с примесью лиственных пород. Чем обязан он своей сохранности, сказать трудно, но теперь он показывает, какая растительность была вдоль берега реки до прихода сюда человека. Глинистые почвы «запрещали» рост сосны со стержневой корневой системой и благоприятствовали росту ели с поверхностной.

Дрозд-белобровик выбрал одиноко стоящую ель на берегу реки и в сумерках неспешно выводил свою рюкающую трель. Она приглашала прогуляться, вдохнуть смолистый запах ели, поразмышлять.

Спонтанно образовавшаяся команда внесла коррективы в это настроение. Поход на подвесной мост, путешествие по которому будоражило (особенно в местах, где часть досок была проломлена), позволил по-новому, с высоты взглянуть на реку, которой предстояло донести нас до Западной Двины. Отсюда же, с высоты, услышали мы призывные крики птенцов ушастой совы, как и пару дней назад, в Белом, напоминавших родителям о голоде их чад.

Вечер на плоту открыл для меня Владимира Владимировича Киреева – боцмана в нескольких кругосветных походах знаменитого «Апостола Андрея». Неспешная беседа о дальних странах, искрометный юмор, добрый взгляд завораживали. Передо мной развернулся человек, много видевший, одаренный, но не кичащийся этим.

Переполненный впечатлениями вернулся я в палатку.

Ночью пошел дождь.

28 мая 2007 года

К утру дождь перестал, но погода осталась пасмурной, как бы не желая прощаться с грустным и несколько сумрачным настроением, в котором пребывала всю ночь...

Плот, нагруженный разнообразным скарбом, несущий на себе две палатки, мягко отвалил от берега и, тарахтя моторчиком, двинулся в путь. Интересно, а какая у него скорость? Вскоре выяснилось, что байдарки легко его догоняют, а он, как кормилец, доктор, как пристанище для отдыха, шуток и разрядки, идет плавно по воде, объединяя разношерстную команду.

Пасмурная погода оказалась благоприятной для комара. С утра он, подсушив немного крылья, вылетел на охоту и нашел мягкие и податливые человеческие тела. С каким наслаждением впивались комарихи в открытые всем ветрам тела участников экспедиции! Но немногим кровососам удалось уйти «с грузом»; человек – существо исключительно ловкое, и запросто «кровное» не отдает. И поплыли вниз по течению неудачливые охотницы, исчезая в уклевочных ртах. Вскоре поднялся ветерок, заставивший комара прижаться к берегу и оставить в покое экспедицию.

Наряду с исчезновением комара и резких изгибов русла, «тещинских языков», к берегу за поселком Жарковский стал все чаще подходить настоящий смешанный лес, с елью, березой и осиной. И хотя по-прежнему часто слышалось пение птиц, предпочитающих кустарники и открытые пространства, изобилующие вдоль реки, уже удавалось слышать птичку, очень неохотно появляющуюся из густого елового подроста и валежин смешанного леса. Крапивник, вторая по величине из самых

мелких птиц Тверской области, сообщал о своем присутствии бойкой песней, произносимой на нескольких уровнях. Однако настоящим подарком оказалась скопа. Вид этот, занесенный в Красные книги Российской Федерации и Тверской области, имеет почти всесветное распространение. Повсеместно этот изящный «рыбный орел», как часто называют его в народе, редок. Поэтому увидеть его – удача, которой мы искренне порадовались, провожая черно-белый силуэт в сторону недавно покинутого Жарковского.

А ведь избаловались мы высокой водой в первые дни путешествия! Ни тебе переката, ни мели. Следи только, чтобы не «ухватить» топляк носом плавсредства. Да если и ухватишь, в большинстве случаев – не беда. Он податливо «кивнет», уйдя под борт лодки, чиркнет через «шкуру» по голым пяткам и – поминай, как звали. Но после Жарковского река стала показывать свой нрав. Не только стало быстрее течение (этому все несказанно обрадовались), но и стали появляться перебаты, к которым, к слову сказать, байдарочные экипажи достаточно быстро приспособились. Эдакие горки на воде! Несет, за кормой буруны, а в душе – детская радость! Однако что байдарке хорошо, то плоту, как бы

это помягче написать, не очень. И менее поворотлив он, и осадочка поболе будет... Тут нужен искусный рулевой, чтобы обед за бортом не оказался. Поэтому помимо Катерины спасибо боцману Кирееву и его молодому помощнику Сереже за наши полные желудки!

По быстрому течению просто стрелой долетели мы до села Ордынок. Здесь полным ходом шло восстановление, а по сути дела, строительство мужского монастыря. Еще издали показался белоснежный храм с синеватым куполом, возведенный на месте разрушенной церкви 1730 года.

Встреча с меценатом-москвичом, на чьи средства происходит восстановление, осмотр строительства, концерт на берегу реки, угощение приехавших на встречу ребятишек традиционным экспедиционным компотом – благодать!

Запомнились древние надгробия, заботливо поднятые из пыли (особо поразило чугунное надгробие с могилы архимандрита Палладия), старые монастырские ворота, в которых при входе еще сохранилась прорезь, куда входящий должен был опустить монетку. И тут же, рядом, – место памяти конников Доватора, polegших здесь во Вторую мировую.

Память о тех, кто строил и жил в монастыре, не ушла. И не только потому, что идет его восстановление. Несколько старых яблонь и куст караганы (называемой в народе акацией) – живые посланники ушедших. Не тронутые политическими и иными перипетиями, они радуют глаз современников и, надеюсь, будут радовать потомков.

Как ни жаль было покидать гостеприимное место, но впереди нас ждали деревня со звучным названием Кривая Лука, концерт и ночевка. Провожаемые пением садовой и кустарниковой камышевок, обыкновенной овсянки и торопливым «говорком» деревенской ласточки, мы оказались на другой реке. То есть река-то осталась той же, но вот растительность, подходящая к самому берегу, поменялась. Теперь наши

Памятник конникам Доватора

взоры услаждали смешанные леса с преобладанием березы и ели, а слух – симпатичная оливковая птичка, зеленая пеночка.

Подвесной мост через реку «просигналил» о конце пути. Изобретение замечательное, но почему-то далеко не везде используемое. Ну и что, что на машине проехать нельзя! Зато в любое время пешочком, на велосипеде, а то и на мотоцикле – просто сказка! А вид какой с него открывается, а ощущения какие! Особенно если ветер подует и качнется под ногами опора. Аж дух захватывает...

Вкусив душистых пирожков, пристали мы за деревней, там, где берег был болотист, но за ним, на возвышении (о вожделение!), росли сосны. Соскучились мы по медноствольным красавицам – все глина да глина! Какая уж на них сосна (но зато вода какая, особенно, если под палаткой)! А тут песочек, мягкая, ласковая травка суходола, ни с чем несравнимый запах сосновой хвои и смолы, пение пеночки-трещетки! Да еще стихия! Подошла к нам синющая грозовая туча, ходила вокруг, пугала, посылала порывы ветра, но так и не добралась до лагеря. Ничто не нарушило благодати, разлитой с туманом под высоким берегом реки.

29 мая 2007 года

Удобная все-таки штука – часы с барометром! Правда, купил я их не ради него, а из-за компаса – вещи, необходимой не только в лесу, но иной раз и в незнакомом городе. Выйдешь из метро с картой, а в каком направлении север? Вот тут-то часы и выручают...

С утра часовой мой барометр показал давление низкое; вся статья была бы дождем начаться. Но нет, пощадила нас природа, рассеяла влагу в атмосфере туманом и дымкой и открыла дорогу дальше, по Меже. А тут и деревня Новоселки показалась. Дали мы там концерт и в путь. К 18.00 ждут в селе Королевщина.

Селовстретило нас, как подобает по русскому обычаю, хлебом-солью и местом для лагеря наградило хорошим. За последними домами, за ручейком и зарослями ольхи, спряталась ровная полянка-суходол. Здесь и разместились кругом экспедиционные палатки, а под берегом, в небольшом заливишке, оттеняемом ветлами, плот.

Много ли надо экспедиционному люду, особенно на пятый день пути, чтобы собраться с мыслями (и вещами) и отправиться в Королев-

щину? Конечно, немного, и вот уже к семи тридцати вечера авангард отряда подошел к сельскому клубу. И тут же попал в гостеприимные руки хозяев. После приветственного танца очаровательные босоногие девушки увлекли обветренных путешественников в хоровод, а потом проводили в клуб. А там жители села удивили видавших виды людей своими песнями и плясками. Большинство из них исполнено было не только от души, но и, как мне, дилетанту, показалось, на высоком профессиональном уровне. И это – в глубинке! Радует душа, видя сплоченность людей на хорошую жизнь. Во многом от них, а не от сторонних причин зависит то, как будут выглядеть село, его окрестности, какая атмосфера в нем царить будет. Атмосферу Королевщины лучше всего выражали девичьи глаза – какие-то особенно чистые, благожелательные и доверчивые.

30 мая 2007 года

Деревня Полоска. Несколько рыже-белых коровок, подошедших освежиться к берегу в жаркий день. После путешествия босиком через крапиву и высоченную траву возле заброшенных домов открывается единственная деревенская улица, тянущаяся вдоль реки. В этой деревне

жили предки нынешнего председателя Государственной думы Сергея Миронова. Дом его деда, зажиточного крестьянина, расстрелянного в лихую годину раскулачивания, и по сей день стоит в нижнем конце деревни. Школа в доме была устроена – это его и спасло...

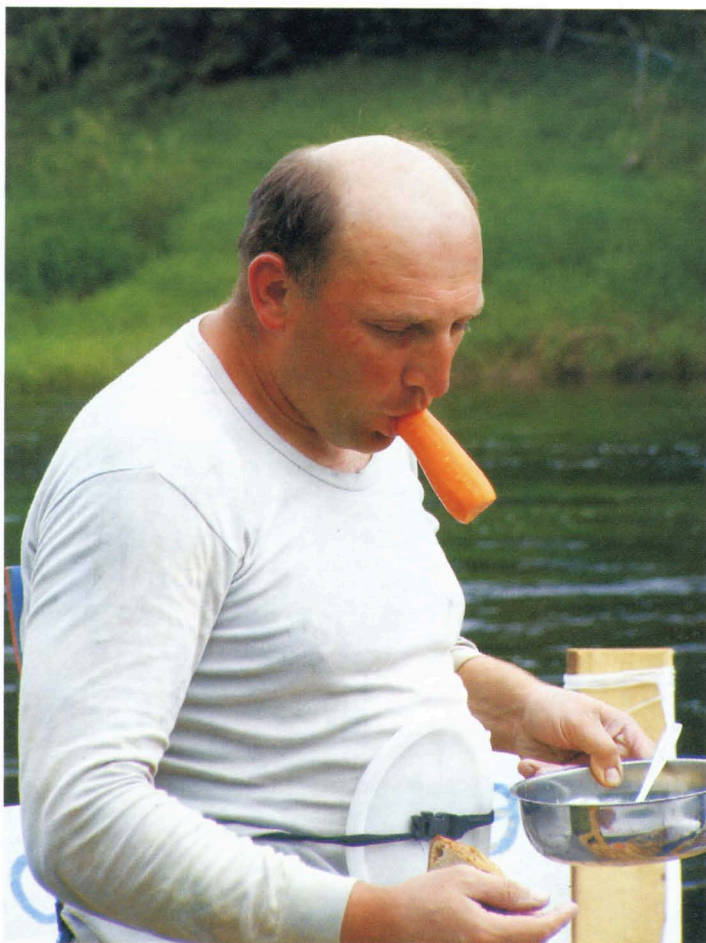
Совсем недалеко осталось до границы со Смоленской областью. Преподнесет ли подарок натуралисту на прощание земля тверская? Конечно! Вот, под правым берегом, прячась среди нависающих зарослей ивы, показывается низко сидящая на воде птица. Утка – не утка, уж как-то странно низко сидит в воде, и клюв необычно длинный. А вокруг нее – целый детский сад. Шесть пушистеньких полосатых комочков держатся около мамы, повторяют каждое ее движение. А та старается вдоль берега увести потомство от уж больно регулярно появляющихся из-за поворота байдарок. Малыши потешно спешат за ней; нет-нет да один или два из них вспрыгивают на спину матери и так продолжают путешествие! Перед нами – самка и выводок большого крохали, родственника хорошо знакомых речных уток. В отличие от них крохали приспособлены к активной ловле рыбы под водой, для

чего им и требуется длинный клюв-пинцет с зазубринами. В Тверской области этот вид исключительно редок и становится многочисленным в северных областях Европы, где нередко может быть встречен в черте города. Мы наблюдали несколько самочек большого крохалея, ловящих рыбу на мелководье одного из озер, в пределах финского города Рованиеми, резиденции Санта-Клауса.

Смоленская область встретила усилившимся ветром, приятно обвевавшим и без того уже обветренные лица. Здесь, в районе деревни Бобовая Лука, Межа как-то резко поменялась. Увеличились протяженность и ширина перекатов, берега реки стали высокими и песчано-глинистыми. А над ними – дома северного типа. Ну ни дать ни взять – Северная Двина! Да еще и слуги к реке проложены, по которым и по сей день в реку сбрасываются бревна для сплава.

Сохраняющиеся здесь даже при большой воде глинисто-каменистые отмели – идеальное место для отдыха и кормления куликов. Не встретив с начала путешествия никаких других куликов, кроме перевозчика и черныша, здесь мы были вознаграждены появлением более крупного большого улита. Кулик этот как-то сразу придал значимости реке, и по

праву. Межа достигла наивысшей своей ширины, ведь поблизости – Западная Двина.

Перед местом слияния двух рек нас ждал плот. Аппетитный запах тек над речной гладью, привлекая внимание не только постепенно подтягивающихся экспедиционных экипажей, но и случайных рыбаков, расположившихся на речных омутах. С завистью те наблюдали, как обветренные путешественники получали миску душистого супа, кусок хлеба и в придачу... ярко-оранжевую морковку, которую из-за занятости рук многие комично несли во рту!

Оставив экипаж нашего экспедиционного корреспондента Анны Щелкановой в деревне Дорожкино искать петуха, кричащего сразу на три губернии (Тверскую, Смоленскую и Псков-

скую), экспедиция вошла в Западную Двину, реку, которая должна была донести нас до дружественных белорусов. Мало кто обратил внимание на небольшой островок в месте слияния рек. А ведь именно на нем когда-то стоял пограничный острог, да и сама река Межа названием указывает на некогда бурную приграничную жизнь этой территории. А ныне только теплый ветерок колышет траву на крепостном холме.

Вечер на реке за поселком Селезни... Над оправленной в высокоствольные широколиственные уремы рекой появляется первый туман. Еще не зашло солнце, и его красно-оранжевый диск отражается в величественно текущих водах. С берега поднимается серая цапля и, неспешно взмахивая широкими крыльями, исчезает за поворотом. Белый аист с веткой в клюве летит по речному коридору, чтобы подновить гнездо. Из-за леса появляется пара черных птиц. Трубное «*крук...крук*» разносится над окрестностями. Это – вороны, птицы, в чьем крике звучит что-то перевозданное, то, чему поклонялись наши далекие предки.

Мягко опускаются сумерки. Завтра будет хороший день...

31 мая 2007 года

Утром нас приветствовала обещанная спокойным вечером хорошая погода. Перисто-кучевые облака оставляли достаточно места для синего неба, а появлявшееся все чаще солнышко поднимало настроение. Участвовали в этом и утренние певцы: соловей, садовая камышевка, дрозд-белобровик и славка-мельничек. Из густого леса им вторили черноголовая славка, зарянка и крапивник. Не преминули навестить нас и вчерашние знакомые. Вороны то ли хотели удостовериться, что все в порядке на их территории, то ли посмотреть, не осталось ли чего съестного после шумной команды.

Издавна Западная Двина была артерией, на берегах которой селились, по которой расселялись и с помощью которой контактировали народы. Напомнили нам об этом песчаные сопочные курганы, цепочкой выстроившиеся на правом берегу реки ниже деревни Макуни. Умели люди в старину оставить память о себе. От поселений, располагавшихся на другой стороне реки, и в помине ничего не осталось, а курганы стоят,

украшенные соснами и березами, поросшие ландышем и костяникой.

Прошел-прозвенел первый город земли смоленской на нашем пути – Велиж. Традиционный концерт, посещение краеведческого музея и мемориала «Лидова Гора». Мы снова на воде. И вот уже приветствует нас в деревне Нижнее Красное гордый отец семейства – белый аист на гнезде, устроенном на опоре ЛЭП.

Недалеко от границы с Белоруссией, на левом берегу Двины, сделали мы последнюю на российской земле стоянку. Здесь, на высокой второй террасе реки, произрастал сосновый лес, гостеприимно приютивший на опушке, на своей окраине, усталых путешественников. Рыжие лесные муравьи деловито суетились среди хвоинок, а над ними – участники экспедиции, затаскивая грузы на высокий берег, цеплялись за спасительные сосновые стволы. И не напрасно. К наступлению сумерек был готов не только удобный лагерь, но и стол, украшением которого стал пирог, символизовавший рубеж, достигнутый экспедицией.

Нас поприветствовал певчий дрозд, выводя в сумрачном лесу свои последние вечерние строфы...

1 июня 2007 года

Первый день июня – первый день на белорусской земле. Земля эта началась по правому берегу реки. И если на левом, российском, берегу продолжался смешанный лес, то на правом, белорусском, потянулись открытые участки, поросшие короткой травкой, «подровненной» скотом. На белорусской земле нас приветствовали серая цапля, большой улит, кулик-черныш, серая, садовая и черноголовая славки, пеночка-теньковка и зарянка.

Сураж встретил экспедицию традиционным гостеприимством. В месте впадения левого притока Западной Двины, речки Каспли, в национальных костюмах, с хлебом-солью стояли представители братского народа. Тут же, на берегу, после здравицы, исполненной в честь дружбы белорусского и российского народов, состоялся импровизированный концерт, продолжившийся в зале городской администрации. Загнала нас туда гроза, подходившая с верховьев Двины. Не пролившись серьезным дождем, она все же принесла ветер, который и после ухода грозовых

туч сохранился. Ветер этот ознаменовал перемену в погоде, которую мы ощутили, погрузившись в байдарки для продолжения пути.

Попутный ветер позволил идти в сцепке (когда сцепляются бортами три байдарки) под парусом, но в то же время принес холод. Привыкшие за неделю к теплу, участники экспедиции стали нехотя распаковывать герметично закрытые вещи и пропорционально понижению температуры «навыючивать» на себя все новые оболочки из тельняшек, свитеров и ветровок. Последние оказались очень кстати, ибо не раз начинал моросить мелкий дождичек.

Но разве можно прийти в уныние, когда идешь по воде! Да еще такой командой! Да еще под парусом, ощущая порывы ветра руками, держащими весло-мачту! Со счастливыми лицами причалили мы у села Курино, жители которого гостеприимно встречали две предыдущие экспедиции.

И еще долго потом на берегу сидели деревенские ребяташки, укрывшись общим тентом-парусом, с замиранием сердца слушая захватывающие рассказы боцмана Киреева о дальних землях...

2 июня 2007 года

Похолодание и попутный ветер встретили нас и наутро. Привычно поставив парус, мы понеслись к конечной цели путешествия – поселку Лужесно близ Витебска. По пути нас ждал интересный объект – дача Ильи Ефимовича Репина близ Рубы. Там в 1998 году мне встретилась замечательная птица – удог.

Своим оперением птица эта напоминает о тропических странах (мне не раз доводилось ее видеть во время работы во Вьетнаме). В средней полосе России она – достаточно редкий гость. Жители Твери имеют редкое счастье наблюдать удогов в черте города; достаточно лишь быть внимательными при посещении долины Исаевского ручья или дач в районе Цыганского поселка.

В этом году удог нас не встретил, но приятно поразили отреставрированный дом и территория вокруг него. Дорожки, петляющие среди старых, репинских времен, деревьев, были заботливо посыпаны белым

песком, а трава под раскидистыми кронами пострижена. Деревянный дом, ставший музеем, оказался не перегружен экспонатами и от этого выигрывал. Ведь, для того чтобы создать настроение, нужно так мало: одной-двух умело подобранных картин, нескольких старых фотографий, автографов и предметов мебели.

Погода, уже было приучившая нас к холоду и ветру, по прибытии в конечную точку путешествия, поселок Лужесно, смиростивилась. Ветер утих, выглянуло солнышко и разогрело воздух; теплые вещи были убраны.

Прощальный вечер на широком берегу удался. Было все. И замечательное угощение, и песни, и отблески костра на счастливых лицах...

3 июня 2007 года

День сборов... Приятная и немного грустная суета. Запомнился почему-то один цветок, пучками росший по всему берегу на месте сбора экспедиции. Ластовень ласточкин качал на ветру изящными белыми соцветиями. До свидания... До новых встреч...

Андрей ЗИНОВЬЕВ

Западная Двина – Тверь – Париж – Рованиemi – Берлин

